

ПАСТЫРСКАЯ ПОМОЩЬ ДУШЕВНОБОЛЬНЫМ

ИГУМЕН ЕВМЕНИЙ

«В наше время, – как свидетельствует один современный духовник, – очень много душевнобольных людей. И в особенности их много в Церкви». Действительно, мир сегодня переполнен людьми с теми или иными отклонениями психического («психеос» – душа) здоровья. И единственным постоянно действующим реабилитационным общественным институтом для таких людей может стать Церковь. Поэтому перед пастырем стоит сегодня сложнейшая задача, по свидетельству того же духовника, «быть не только пастырем, но и психиатром тоже».

В вопросах, которые мы затрагиваем в нашей работе, думается, необходимо ориентироваться не только священникам, но и мирянам. Очень много бед, душевных повреждений, даже духовной прелести происходит от того, что и первые, и вторые часто впадают в заблуждение, не различая в человеке одержимость демоническими силами от психических заболеваний, требующих совершенно иного подхода к человеку, вернее сказать, не имеющих чуткости для того, чтобы определить долю и доминанту первого и второго в каждом конкретном случае.

Православное понимание душевной болезни значительно шире, чем в классической психиатрии. Говоря о душевной болезни, аскетика имеет в виду не только ярко выраженные психопатологии, но также акцентуации характера, пограничные состояния и разные формы психопатий. Церковь в своих молитвословиях довольно часто обращается ко Христу, Богородице, святым с просьбой об исцелении от «душевных немощей», «болезней души» и т.п., подразумевая всю широту отклонений, уводящих нас от полноты душевного и духовного здоровья, обретаемую только во Христе.

В большинстве случаев в душевной болезни имеют место как

интеллектуальные, моральные, соматические факторы, так и определенные демонические влияния, воздействующие посредством разрушенной душевной структуры человека. Однако пастырю необходимо хотя бы приблизительно выявить соотношение первого и второго, чтобы определить меру церковно-благодатного и психотерапевтического воздействия при попечении о душевнобольном человеке.

Можно предположить, что до наступления этапа серьезного духовного становления личности необходимо обратить внимание на состояние душевного здоровья человека. Прежде исцеления осознанной душевной болезни в религиозном смысле этого понятия, не мешало бы трезво взглянуть на степень душевной цельности, душевного здоровья в том смысле, в котором оно подразумевается медициной. Если жизнь духовная выстроена на хлипком основании душевной болезни, она непременно рано или поздно даст крен и рухнет, ибо построена на песке.

«Психическую болезнь надо учитывать как трудность противоречивого характера, как душевную немощь и «слабое место» человека, само по себе вполне простительное и требующее лишь осторожности, помощи и снисхождения, – пишет врач-психиатр, кандидат медицинских наук А.Д.Василевская. – Психическую болезнь надо не только учитывать, но еще и лечить, для чего бывает нужен врач-специалист, к которому, особенно если пастырь лично знает его духовно-душевные качества, не зазорно вовремя отправить (конечно, в форме рекомендации) своего подопечного.

Установить и выявить жесткое различие между беснованием или какой-либо иной духовной болезнью и психопатологией очень трудно, но всегда существует это различие».

В случае, если мы не увидим этого различия, может произойти трагическая ошибка: неопытный духовник, отправив психически больного человека на «отчитку», может еще больше повредить его и без того пошатнувшееся душевное здоровье. Существует область, как указывает архимандрит Киприан (Керн), «более интимная и более тщательно скрываемая кающимся, чем грех. Есть нечто такое в душе человеческой, что не является грехом, и о чем сам кающийся не подозревает, что скрыто от взоров совести и, даже больше того, самой совести не подведомственное. Существуют некие тайники души, в которых сам грешник не разбирается и, может быть, и не догадывается. Существуют такие состояния души, которые требуют совсем иной оценки, которые не могут быть определяемы категориями нравственного богословия и которые не входят в понятие добра и зла, добродетели и греха. Это все – те «глубины души», которые принадлежат к области психопатологической, а не аскетической».

Ошибка возможна и со стороны врача-психиатра или психотерапевта, не знакомого со святоотеческим учением о соотношении душевной и телесной болезни в человеке, о присутствии в некоторой части таковых

болезней определенных демонических сил. Он рискует залечить средствами естественной медицины человека, поврежденного духовно, нуждающегося в исключительно религиозном подходе к лечению его заболевания.

Опытные пастыри поступали с благоразумным рассуждением в каждом конкретном случае. Одним они говорили: «Тебе нужно идти к врачу», а другим: «Тебе у врачей делать нечего». Однако чаще всего наиболее правильным подходом является необходимое благоразумное сочетание пастырской и врачебной помощи.

Психиатрическая наука последнего времени достигла многого в диагностике и описании психических заболеваний, их классификации и методологии лечения. Однако, небогатая святоотеческим аскетическим знанием о душе, Боге, вечном предназначении человека, она часто довольно упрощенно трактует сложнейшие проблемы. Современная психиатрия поступательно преодолевает грубо-материалистический взгляд на человека как существо только биологическое и психическое. Все ярче проявляется значение личной духовной сферы человека и религиозной жизни как сердцевины жизни человеческого духа.

«Допустимо ли, – пишет далее архимандрит Киприан, – с точки зрения Православия говорить о психиатрии? Можно ли совместить этот предмет с основными принципами нашей, унаследованной от святоотеческого и церковного предания, этики и аскетики?.. Психиатрия ни в коем случае не претендует на те области, которые подведомственны аскетике. Эта последняя занята борьбой со страстями и грехом, тогда как пастырская психиатрия стремится проникнуть в те сферы душевной жизни, которые никак не могут быть квалифицированы как грех и зло. Аскетика дает мудрые, от отцов и учителей Церкви унаследованные советы излечения грехов и пороков: гордости, уныния, сребролюбия, тщеславия, чревоугодия, блуда и т.п. Психиатрия ищет более специфические причины тех духовных состояний человека, которые коренятся в сокровенных тайниках души, в подсознании, в унаследованных или благоприобретенных противоречиях человеческого существа.

С точки зрения Православия и церковного предания, нет основания видеть какие-либо препятствия для применения психиатрических или психоаналитических данных в деятельности пастыря. Психиатрия несколько принципиально не противоречит пастырству, не должна ему мешать или каким бы то ни было образом умалять значение пастырского душепопечения. В пастырствовании могут и должны быть применяемы все средства, чтобы помочь душам в их затруднениях на пути спасения. Пастырской психиатрии, как уже сказано, не должно быть вменяемо значение, равное аскетике, так как их области хотя и являются смежными, но одна другую не исключают, потому что психиатрия не вмещивается в область, подведомственную чистому богословию. Она

ищет в тех сферах, где аскетика не имеет прямого применения. Психиатрия в руках пастыря является вспомогательным средством для обнаружения не греха, а патологических явлений, связанных с заболеваниями психиатрическими, т.е. душевными, а не духовными».

Думается, что взаимообогащение двух направлений – медицинской психиатрии и пастырского душепопечения – принесет обильный плод и обоюдную пользу.

Считаем необходимым сказать о том, что необходимо знать врачу-психиатру, если он имеет дело с верующим пациентом. Возможно, в процессе знакомства и общения врач встретится с причудливым сочетанием религиозных терминов и идей, порожденных шизофреническим бредом, лишенных последовательности в описании своих состояний и проблем. Профессор Д.Е.Мелехов пишет: «Религиозные переживания в общей структуре личности могут занимать очень разное (прямо до противоположности) положение: они могут быть в случаях патологии непосредственным отражением симптомов болезни (галлюцинаций, бредовых идей, физически ощущаемого воздействия на мысли и физические проявления человека). Они могут быть и проявлением здоровой личности, и тогда, даже при наличии болезни, они помогают больному сопротивляться ей, приспособиться к ней и компенсировать дефекты, внесенные болезнью в личность больного».

Вот почему для врача недопустимо при исследовании больного «сходу» трактовать всякое религиозное переживание как патологию или заблуждение и тут же, в процессе исследования, начинать антирелигиозную пропаганду или демонстрировать свое элементарное, догматически материалистическое отношение к религиозным исканиям и сомнениям своего пациента. Более терпимо снисходительно-скептическое отношение на уровне либерального западноевропейского мировоззрения, но и оно не вызовет доверия больного и необходимого контакта с врачом. Врач должен с большим вниманием и уважением к личности больного объективно проследить развитие не только личных качеств и болезненных симптомов, но и религиозных переживаний, их логические, философские и эмоциональные истоки, ознакомиться с религиозным опытом больного в прошлом и настоящем и помочь ему разобраться, разграничить, что в этом опыте непосредственно продиктовано болезнью, природными психофизическими особенностями и патологическими процессами, и что является ценным духовным опытом здоровых сторон личности, которые могут помочь в борьбе с болезнью и послужить базой психотерапевтической работы врача».

Врач не должен глубоко вторгаться в область духовно-религиозных переживаний своего пациента. Добросовестные врачи-психотерапевты часто после снятия острых напряжений у душевнобольных людей направляют их в церковь, к опытному священнику. И здесь перед последним стоит трудная задача: отличить душевную болезнь в ее

медицинском аспекте от заболевания души и духа человека, область которого подлежит религиозному лечению посредством молитвы, таинств, исповеди, работы над собой.

Необходимо прежде всего сказать о случаях, в которых пастырь, определив непосредственную духовную причину болезни, подлежащей исключительно духовному лечению, должен попытаться рекомендовать своему пасомому обратиться к медицинской компетенции, включающей различные области современных знаний законов психической жизни и методов психиатрического и психофармакологического воздействия на больных.

Случаями, в которых духовник, не исключая воздействия пастырского, может рекомендовать своему пасомому обратиться к медицинской помощи, по мнению профессора Д.Е.Мелехова, крупнейшего психиатра и глубоко верующего православного человека, являются следующие:

1. Припадки истерические, эпилептические, смешанные, негативно-вазомоторные.

2. Нарастающее падение работоспособности, утомляемость, прогрессирующее снижение памяти и интеллектуальных способностей.

3. Резкое и прогрессирующее изменение основных черт характера, немотивированное и независимое от внешних условий развитие возбудимости, холодности, злобности, жестокости, тревожности, эмоциональной неустойчивости.

4. Повторяющиеся обманы зрения, слуха, обоняния, тактильные обманы (патологические ощущения в коже), ощущения воздействия электротоком и т.д.

5. Глубокие и стойкие или часто рецидивирующие состояния депрессии, тоски с безнадежностью, унынием, в особенности с мыслями о самоубийстве, или состояния беспричинной веселости с беспорядочной повышенной активностью, неконтролируемым наплывом мыслей и переоценкой своих возможностей.

Последующие пункты указанных проф. Д.Е.Мелеховым поводов для обращения к психиатру являются явным следствием разрушения духовной природы человека со стороны сил демонических, уже вторгшихся в человека, уже паразитирующих на его душе и, несомненно, нуждаются прежде всего в благодатной помощи со стороны церковных таинств, молитв, экзорцизма («отчитки»):

6. Неуправляемые, насильственные, навязчивые мысли, наплывы беспорядочных мыслей, произвольные остановки и обрывы в ходе логического процесса; ощущение искусственных, не своих, «сделанных», внушенных мыслей, возникающих, по мнению больного, под воздействием электротока, гипноза, радиоволн или бесоодержимости.

7. Яркие и повторяющиеся состояния «озарения», видения, голоса, не вытекающие из прежнего опыта и чуждые общей структуре личности.

8. Непреодолимая власть грубых биологических влечений, «хульных» мыслей, чуждых для основного ядра личности, чувство потери благодати, богооставленности с унынием, отчаянием и мыслями о самоубийстве.

9. Крайняя гордость, уверенность в правильности своих ошибочных суждений, вопреки очевидной реальности и объективному мнению окружающих (бредовые идеи ревности, изобретательства, реформаторства в гражданской и церковной жизни). Или, наоборот, комплекс приниженности, самоуничижения или проявления тайной гордости и эгоцентризма.

Итак, врач будет искать соматические и биологические причины болезни, психотерапевт постарается докопаться до психотравмирующих причин, опытный духовник поможет больному преодолеть моральные причины, дефекты воспитания, запущенность страстной, желательной части души, мобилизует на критическое отношение к своей болезни, на ее осознание и активное противостояние ей, пользуясь в необходимых случаях помощью врача, а главное – приведет к покаянию, к исторжению из души самых корней болезни.

Особенную трудность в пастырской работе представляют собой люди, у которых религиозные представления, некоторый положительный опыт жизни церковной оказывается соединенным с патологическими проявлениями психики. Таким людям в равной степени трудно помочь как врачу, так и священнику. Врач, как человек нецерковный, внушает мало доверия такому больному, последний закрыт для врача, пытающегося «влезть в душу», т.е. помочь больному разобраться. Священник, встретившийся на жизненном пути такового, как правило «невнимательно выслушал, не понял меня, дал неправильный совет, не верит, что мне тяжело» и т.д. Пастырю необходимо объяснить больному, что он болен не только в смысле всеобщей болезни человеческого греха, но болен с точки зрения медицины.

Однако, как правило, люди душевнобольные признать себя таковыми не хотят. «Будучи больными, – пишет прот. Владимир Воробьев, – они хотят чувствовать себя здоровыми, и не осознают свою болезнь. Это наиболее трудные случаи. Священник должен объяснить человеку, что болезнь душевная – это не позор. Это вовсе не какое-то вычеркнутое из жизни состояние. Это крест. Такой человек чего-то не может делать так, как делают здоровые люди. Но он может смириться, и должен смириться. Он многого не понимает, но должен слушаться. И если удастся такому больному объяснить, что он должен смириться, тогда все в порядке. Он обязательно реабилитируется и сможет жить в церкви благополучно. Для него не закрыто ни Царство Божие, ни жизнь благодатная. Если же такой человек смириться не хочет, будет в своих психических срывах навязывать священнику психически нездоровую атмосферу, то тогда беда. Таких людей обязательно надо лечить. Они очень часто говорят:

– А почему вы благословляете пить таблетки? Разве от душевного

заболевания можно лечить таблетками? Я вот пришла в церковь, прошу благодати Божией, хочу, чтобы Бог исцелил мою больную душу. А почему вы посылаете к врачам? Что, благодать Божия не действует?

Благодать Божия действует, и любого, самого больного человека, Бог может в одно мгновение исцелить от любой болезни. Хромого может сделать целым, слепого может сделать зрячим, а психически больного может сделать здоровым, это безусловно. Но почему же Господь не хочет? Вот ты хромой и хромай всю жизнь. Почему? А потому, что Господь тебя смиряет таким образом, потому, что на тебя положен такой крест Богом. А, может быть, ты сам себе этот крест выбрал когда-то. Такое тоже может быть.

Надо смиряться. Вот тебе не дано видеть двумя глазами, а только одним. А ты будешь глухой... И все мы такие глухие, косые, слепые и больные, и каждый из нас должен нести свой крест. Точно так же и психически больной человек тоже должен нести свой крест. У меня гипертония, я должен пить таблетки. Господь может меня исцелить так, чтобы у меня было нормальное давление. Но Господь предпочитает, чтобы я пил таблетки, а не получил такое чудесное исцеление. Я не достоин этого чуда, нужно, чтоб я смирялся и признавал каждый день свою немощь и свое бессилие, тянул свою лямку и страдал своей болезнью.

Точно так же с любой другой болезнью, и с психической тоже. Господь может тебя исцелить. Но сегодня, или, может быть, всю жизнь, Господь хочет, чтобы ты пил таблетки. Это вовсе не значит, что тебе не надо причащаться, и что это тебе вместо причастия. Так вот и я причащаюсь, живу благодатью Божией, но это не значит, что мне таблетки от гипертонии пить не надо. Все равно надо. Господь может меня исцелить, но не исцеляет.

Нужно уметь объяснить человеку, что он должен слушаться, смиряться, должен признать себя больным и согласиться на свою больную участь. Духовная жизнь только тогда возможна, когда человек согласится признать истинное положение вещей и смирится, согласится жить с тем крестом, который Господь дал ему».

Если пастырь определил наличие душевной болезни у своего пасомого, что является одним из труднейших моментов, то он может далее ставить перед больным соответственно его болезни и силам те или иные задачи. Однако именно диагностика, именно определение отклонений в душевном состоянии больного как психического заболевания с точки зрения медицины, а не духовно-душевной патологии в традиционно-православном понимании, врачуемой покаянием и таинствами, является первым этапом на пути исцеления, на пути, где любая ошибка пастыря может обернуться самыми трагичными последствиями.

Прежде всего нужно сказать о том, что не существует четкой грани между нормой и патологией психики. Впервые знакомясь с основными

характеристиками поведения психически больных людей, некоторые «узнают себя». С одной стороны, это повод для некоторого разочарования и даже уныния: «неужели и я?..» В этой связи хочется привести замечание Д.Е.Мелехова относительно того, что многие гении (Ф.М.Достоевский, Н.В.Гоголь) оставались гениями не благодаря, а вопреки своим болезням, за счет сохранения творческих возможностей личности. С другой стороны, следует обратить внимание на то, что опытные православные психиатры свидетельствуют: большинство психических патологий является ничем иным, как запущенной формой тех или иных грехов (гордости, тщеславия, самомнения, сребролюбия, блуда, уныния и т.д.), отбрасывающих человека за грань общепринятых понятий о благоразумии и правильной самооценке. Поэтому изучение характеристик тех или иных патологических групп может стать довольно весомым подспорьем в работе над искоренением своих страстей.

«Верующий человек, живущий здоровой духовной жизнью, – как пишет проф. Д.Е.Мелехов, – постоянно контролирует себя, состояние своего сердца, слышит голос совести, по мере духовного роста осознает свои грехи, может тяжело переживать раскаяние («плач о грехах»), но о молитве, в покаянии, в литургии находит облегчение, освобождение и радость («печаль, которая от Бога, производит неизменное покаяние ко спасению» – ведет к духовному выздоровлению). Совсем иная «печаль мирская», депрессия, которая не проходит от молитвы и покаяния, приводит человека в состояние тоски, отчаяния, уныния, «производит смерть», вызывает мысли о самоубийстве.

Духовник должен показать пришедшему к нему болезненный характер такой депрессии, является ли она результатом чрезмерной реакции на ту или иную потерю (близких людей, дорогих вещей, состояния), на тяжелое физическое заболевание, или результатом нарушения мозговой деятельности, витальной депрессии, эндогенной, циркулярной или даже шизофренической (т.е. происходит «от природы», «от естества»), В таких случаях необходимо, кроме лекарственной терапии, постоянно и терпеливо напоминать больному, что это болезнь и она пройдет (аффективные психозы теперь доступны терапии).

Также необходимо привести больного к сознанию болезни при противоположных состояниях – возбуждения, переоценки своих сил, горделивых, бредовых мыслях о своем богатстве, об исключительных способностях, об изобретении мирового значения, об исключительном понимании сути вещей и явлений и праве всех учить, обличать (паранойя – бред изобретательства, реформаторства, сутяжничества, ревности и т.д.). В этих случаях задача длительного и упорного лечения – привести больного к самокритичной оценке своего состояния. То же самое и при галлюцинациях, бредовых идеях воздействия, навязчивых идеях, особенно тягостных для верующего человека, непреодолимых навязчивых и автоматических, нерегулируемых волей идеях хульного содержания (так

называемых «хульных мыслях»). Они требуют длительного лечения. Духовник своим авторитетом должен помочь больному понять, что эти идеи не являются результатом воздействия злого духа, бесоудержимости, а происходят от болезненного состояния центральной нервной системы, от «естества», «от природы». То же самое относится и к галлюцинациям, и к голосам ободряющего, императивного характера или типа повторяющихся «озарений» и «откровений».

Считаем необходимым привести еще одно замечание, обращенное непосредственно к пастырю, духовнику. По мнению проф. Д.Е.Мелехова, «ему необходимо учитывать индивидуальные особенности характера и темперамента людей и внимательно относиться к проявлению психических заболеваний, помня, что человек свободен только в своей духовной сфере и сознательном выборе своего пути к Богу или отвержении Его. Но в сфере душевной он детерминирован (современная наука раскрывает биохимические, эндокринные, генетические и церебральные механизмы, которые обуславливают душевный склад человека). Об этом же говорит весь подвижнический опыт, свидетельствуя, что изменить свой характер, аффекты, страсти и пристрастия можно только длительной упорной работой над собой, системой аскетических приемов, влияющих как на психику, так и на соматику, как на душу, так и на тело. Всякая мысль о произвольности и легкости изменения своей природной организации признается необоснованной, продиктованной только лишь отсутствием духовного опыта.

Итак, в каждом отдельном случае душевного расстройства пастырь должен действовать с особой осторожностью, проникшись духом сострадания, внимания и внутреннего такта, без ложного оптимизма и самоуверенности».

Ниже мы приводим основные типы душевных акцентуаций людей (ориентируясь прежде всего на блестяще отслеженные симптомы классификаций П.Б.Ганнушкина, А.Е.Личко), а также некоторые замечания по формам пастырского применения в каждом конкретном случае.

Сразу следует оговориться: некоторые употребляемые в психиатрии термины в бытовой разговорной речи несут несколько иные смысловые оттенки. Пастырь должен остерегаться давать всякого рода «клише» и «диагнозы» своим душевнобольным пасомым. Умножаясь на обостренное восприятие, они могут создавать психологическое препятствие для свободного выхода из своего болезненного состояния.

Приводимая классификация не является отражением собственно психических заболеваний в их развернутом виде. Так, из циклоидов не всегда получаются маниакально-депрессивные психотические больные, как и из шизоидов – шизофреники. Знание отслеженных в научной психиатрии психопатий поможет пастырю более тонко и корректно отнестись к своим подопечным, подсказать выход из создавшегося тупика

религиозной жизни, содействовать более эффективной реадaptации в семейной и трудовой жизни.

Само слово «психопатия» по своему морфологическому строению отражает суть вопроса («психеос» – душа, «патос» – склонность). В понятии психиатров психопатия – это дисгармоничный склад психики, стоящий между акцентуированной личностью (т.е. личностью с преимущественно выраженными чертами того или другого типа, например, циклоидного, эпилептоидного) и собственно психозом, это такие аномалии характера, которые определяют психический облик индивидуума, накладывая на весь его душевный склад свой властный отпечаток. Наиболее ярко выраженным фактором психотической личности является его социальная дезадаптация (неуживчивость в отношениях с людьми), что выражается или в неспособности устанавливать отношения с людьми, или в постоянной конфликтности этих отношений. В противовес психопатиям, акцентуации характера могут проявляться не всегда и не везде. Однако крайние проявления и первого, и второго требуют со стороны больного трезвой оценки и покаяния, которое таинственным образом не только «снимает» с души последствия поступка («терапия слова»), но и реально расторгает власть демонических сил, оказывающих давление на душу в реактивных состояниях. Именно этим отличается христианская и пастырская психотерапия от секулярной, безрелигиозной, не учитывающей фактора человеческого «сверх-Я», имеющего основанием своего здоровья состояние онтологической примиренности с Богом.

ГРУППА ЦИКЛОИДОВ

Конституционально-депрессивные. В чистом виде эта группа немногочисленна. Речь идет о лицах с постоянно пониженным настроением. Картина мира как будто покрыта для них траурным флером, жизнь кажется бессмысленной, во всем они отыскивают только мрачные стороны. Это прирожденные пессимисты. Всякое радостное событие сейчас же отравляется для них мыслью о непрочности радости, от будущего они не ждут ничего, кроме несчастья и трудностей, прошлое же доставляет только угрызения совести по поводу действительных или мнимых грехов, совершенных ими. Они чрезвычайно чувствительны ко всяким неприятностям, иной раз очень остро реагируют на них, кроме того, какое-то неопределенное чувство тяжести на сердце, сопровождаемое тревожным ожиданием несчастья, преследует многих из них постоянно. Другие никак не могут отделаться от уверенности в своей собственной виновности, окрашивающейся для них чрезвычайно тяжелым чувством воспоминания о самых обычных поступках юности.

Им часто кажется, что окружающие относятся к ним с презрением, смотрят на них свысока. Это заставляет их сторониться других людей, замыкаться в себе. Иной раз они настолько погружаются в самобичевание, самокопание, так непохожие на радостотворный плач покаяния,

являющийся сердцевиной душевного делания в святоотеческом понимании, что совсем перестают интересоваться окружающей действительностью, делаются к ней равнодушными и безразличными. Вечно угрюмые, мрачные, недовольные и малоразговорчивые, они невольно отталкивают от себя даже сочувствующих им лиц. Однако за этой угрюмой оболочкой обычно теплится доброта, отзывчивость и способность понимать душевные движения других людей; в тесном кругу близких, окруженные атмосферой сочувствия и любви, они приоткрываются: делаются веселыми, приветливыми, разговорчивыми, даже шутниками, однако, едва проводив своих гостей или оставив веселое общество, снова принимаются за мучительное копание в своих душевных ранах.

Во внешних их проявлениях, в движениях, в мимике большей частью видны следы какой-то заторможенности: опущенные черты лица, бессильно повисшие руки, медленная походка, скупые, вялые жесты – от всего этого так и веет безнадежным унынием. Какой бы ни была работа, деятельность по большей части им неприятна, и они скоро от нее утомляются. Кроме того, в сделанном они замечают преимущественно ошибки, а в том, что предстоит, – столько трудностей, что в предвидении их невольно опускаются руки. К тому же большинство из них обычно неспособны к продолжительному волевому напряжению и легко впадает в отчаяние. Всякая работа под чьим-либо волевым началом воспринимается ими как нарушение их свободы, подавление личности, однако, если им будет предоставлена инициатива самостоятельных действий, они, как правило, не оправдывают доверия и показывают неспособность трудиться самостоятельно. Все это делает их крайне нерешительными и неспособными ни к какой действенной инициативе.

У некоторых из описываемых нами людей внутренняя угнетенность и заторможенность до некоторой степени компенсируется направленным вовне волевым напряжением, чрезвычайно трудно, однако, им дающимся: нередко можно видеть, как в минуту усталости или ослабления воли с них спадает надетая на действительное «я» маска, обнажая подлинное их лицо, – и место веселого балагура занимает полный безнадежного внутреннего отчаяния меланхолик.

Часто такого рода люди уже в детстве обращают на себя внимание своей задумчивостью, боязливостью, плаксивостью и капризностью. Однако периодом, в котором выявляются особенно ярко черты конституциональной депрессии, бывает возраст полового созревания, когда у казавшихся раньше совершенно нормальными подростков начинается сдвиг в настроении; до того – веселые, общительные, живые, они начинают ощущать тяжелый внутренний разлад, появляются мысли о бессмысленности существования, тоскливое настроение и все другие перечисленные выше особенности, чтобы с тех пор, то усиливаясь, то ослабевая, сопровождать больного уже до старости, когда они или

постепенно смягчаются, или же, наоборот, усиливаются до того, что принимают явно психотические формы. Нередко (чаще в нецерковной среде) жизненный путь этих психопатов преждевременно обрывается самоубийством, к которому они словно готовы в любую минуту жизни. Наконец, в ряде случаев на описанном основном фоне время от времени развиваются психотические вспышки: или маниакальные, или депрессивные.

Таких пасомых пастырь должен окружить особым вниманием. Их состояние небезнадёжно. Он должен сосредоточить их внимание прежде всего на радости, которую несут Православие, Евангелие, жизнь церковная. Пастырю необходимо запретить таким больным до определенного времени чтение серьезной аскетической литературы. Лучшими пособиями для духовной жизни этих людей могут стать бессмертные творения прав. Иоанна Кронштадтского, его легкие, радостные, афористичные высказывания, не требующие чрезмерной погруженности в область глубокого покаяния, сокрушения, самоукорения, исполненные для них опасностей ввиду того, что они, как правило, ищут в святоотеческих книгах оправданий и подтверждений своему пессимизму и унынию, ложно понимаемым как состояние подлинной духовной жизни. Важно научить пасомого «переключаться» из состояния депрессии, найти выход из этого состояния в молитву, здесь очень желательно рекомендовать чтение акафистов с их бесконечными «радуйся», побуждающими к сорадованию святым. Если же выход из депрессии в молитву затруднителен, можно предложить им найти на такое время посильную физическую работу на благо прихода или монастыря, не отягощаемую усилиями по практическому решению организационных задач, связанных с ее выполнением. Все это применимо, безусловно, при наличии доверия к священнику, взявшему на свое попечение такого больного.

Конституционально-возбужденные (гипертимные). Эта группа представляет полярную противоположность только что описанной. Одной из самых интересных ее особенностей является то обстоятельство, что представители ее в нерезко выраженных случаях практически считаются вполне здоровыми и действительно вряд ли могут быть причислены к людям, доставляющим страдания себе или обществу.

С детства они начинают проявлять себя как подвижные, неутомимые, отличающиеся недостатком чувства дистанции по отношению ко взрослым. Воспитатели и учителя постоянно жалуются на них. Они совершенно не терпят рамки строго регламентированного дисциплинарного режима, а также состояние одиночества, в котором они не имеют возможности собирать со своих сверстников столь им необходимые лавры восторженных реакций на их вызывающие поступки. Мелочный контроль, повседневная опека, наставления и нравоучения со стороны взрослых вызывают усиление борьбы за самостоятельность,

нарочитые нарушения. С детства представители этой группы не умеют и не хотят рассчитывать свои материальные средства, охотно берут в долг, вовсе не имея в виду, что им придется когда-то расплачиваться.

Если пастырю приведут такого подростка для «проработки», самой большой ошибкой с его стороны будет повторение уже давно известных фраз о «послушании родителям и хорошем поведении в школе». Мудрый батюшка примет его и сумеет полюбить его таким, каков он есть. И если добрые, теплые человеческие отношения между подростком и пастырем установятся, то сам этот факт может стать решающим в частичном выравнивании аномалии характера. Вовсе необязательно в таком состоянии подталкивать подростка к исповедальному аналою. Осознания своих поступков как неправильных, греховных на этом этапе вполне достаточно.

Что касается взрослых, это большей частью неравномерно одаренные люди, которые изумляют окружающих гибкостью и многосторонностью своей психики, богатством мыслей, часто художественной одаренностью, душевной добротой и отзывчивостью, а главное, всегда веселым настроением. Они могут быть и в церковной среде, однако их церковность имеет поверхностный характер, они больше хотят удивить всех теми или иными проявлениями своей церковной жизни и болезненно реагируют, если не находят те, которые могут это по достоинству оценить. Они быстро откликаются на все новое, энергичны и предприимчивы. Однако при более близком знакомстве с ними, наряду с перечисленными положительными чертами, в их духовном облике обращают на себя внимание и особенности другого порядка: внешний блеск иной раз соединяется с большой поверхностностью и неустойчивостью интересов, которые не позволяют вниманию надолго задерживаться на одном и том же предмете, общительность переходит в чрезмерную болтливость и постоянную потребность в увеселениях, в работе не хватает выдержки, а предприимчивость ведет к построению воздушных замков и грандиозных планов, кладущих начало ширококвещательным, но редко доводимым до конца начинаниям, если они требуют ежедневного кропотливого труда, чуждого внешней эффектности.

Они очаровывают своим остроумием, приветливостью и открытым характером, но не всегда с ними легко поддерживать деловые отношения: помимо того, что их обещаниям нельзя верить, многие из них чрезвычайно высокого мнения о себе и поэтому с большим неудовольствием выслушивают возражения против высказываемых ими мыслей или критические замечания по поводу развиваемых ими проектов, позволяя себе между тем насмешки и остроты, иногда чрезвычайно меткие, но очень больно задевающие собеседника. Как правило, если они находят себе место в церковной общине, то очень быстро входят в узкий круг «приближенных к батюшке лиц», их общение становится для него тяготящим, навязчивым, они болезненно реагируют на самую корректную

попытку избавиться от их общества хотя бы на некоторое время. Если священник не установит вовремя строгие рамки общения, то очень скоро он рискует оказаться в самой неприглядной ситуации – его пасомый начинает грубейшим образом «смирять» его, а в кругу своих приятелей распускать о священнике самые разнообразные небылицы.

В более резко выраженных случаях мы встречаемся уже с несомненными психопатическими патологиями, налагающими определенный отпечаток на весь жизненный путь таких людей. Уже в школе они обращают на себя внимание тем, что, обладая в общем хорошими способностями, учатся обыкновенно плохо... Кроме того, они легко распускаются и выходят из повиновения, делаясь жокаками товарищей во всех коллективных шалостях. С большим трудом переносят они при своих наклонностях и военную службу, часто нарушая дисциплину и подвергаясь всевозможным взысканиям. Рано пробуждающееся интенсивное половое влечение ведет за собой многочисленные ранние блудные падения, которые непоправимо калечат их физическое и духовное здоровье. С такими пастырь должен еще в подростковом возрасте найти возможность для доверительного и смелого разговора на эти темы, раскрыть и показать всю пагубность и неприглядность блудных грехов.

По своему легкомысленному складу, они часто не замечают грань между дозволенным и противозаконным. Они, как правило, оказываются малоустойчивыми по отношению к употреблению алкоголя, при определенных условиях они не откажутся от пробы наркотиков. При всем том они не обязательно опускаются на дно, но с легкостью выпутываются из самых затруднительных положений, проявляя при этом поистине изумительную ловкость и изворотливость. И в зрелые годы их жизненный путь не идет прямой линией, а все время совершает большие зигзаги от крутых подъемов до молниеносных падений.

Многие из них имеют чрезвычайно большие достижения и удачи: остроумные изобретатели, удачливые политики, ловкие аферисты, они иногда шутя взбираются на самую вершину общественной лестницы, но редко долго на ней удерживаются – для этого у них не хватает серьезности и постоянства. Это живые, блестящие умы, но поверхностные, неспособные к систематическому труду, не имеющие для этого достаточного спокойствия и усидчивости. Постоянное желание таких людей встревать везде и всюду, везде командовать, начинает тяготить окружающих, которые утрачивают к ним интерес и симпатию.

В своей практической деятельности они далеко не всегда отличаются моральной щепетильностью, их бурный темперамент просто не позволяет им все время удерживаться в узких рамках законности. Эту черту своего характера они переносят и в жизнь церковную, грубо нарушая и попирая всякие понятия о субординации по отношению к священнику, совершенно не приемля никаких понятий о смирении и послушании, или грубо

спекулируя на этих понятиях, когда дело касается непосредственно их послушания.

Среди таковых можно встретить людей с «невинной» склонностью ко лжи и хвастовству, связывающейся обыкновенно с чрезмерно развитым воображением и проявляющейся в фантастических измышлениях о своем высоком положении и о никогда в действительности не совершавшихся подвигах, а иной раз – просто в рассчитанных на создание сенсации выдумках о каких-нибудь небывало грандиозных событиях (близость к патологическим лгунам). Таковые в действительности очень скоро начинают верить в сочиненные ими истории. Если в таковых людях существуют склонность к мистическим ощущениям – налицо явная предрасположенность к духовной прелести.

Представителей этой группы можно встретить и среди людей, воспитывавшихся в православных семьях или под бдительной опекой православной матери. И чаще всего они полностью «расцерковляются», достигая физической зрелости, действуя в своей жизни вопреки насильственному внедрению в их сознание религиозных моделей поведения. У таковых, как правило, не сложились теплые отношения с родителями в подростковом возрасте, о таких говорят, что «они потеряны для семьи». Как правило, отношения в собственной семье у этих людей терпят крах – супружеская половина чаще всего отказывается видеть в них то, за что они себя выдают.

Пастырю необходимо объяснить таковым, что для полноценной жизни человек должен стремиться к раскрытию в себе постоянства и чувства долга. Их ошибкой является то, что живут они от одного приятного ощущения до другого. Даже в жизни религиозной они ищут не труда, а приятных ощущений, которые, увы, не являются состоянием постоянным, они скорее – редкость. Такой человек склонен к другой крайности – такой самореализации в жизни церковной, которая доводит иногда до состояний ярко выраженной духовной прелести.

Группа сравнительно «невинных» болтунов при наличии более резко выраженного самомнения и некоторой раздражительности образует естественный переход к другой, значительно более неприятной разновидности описываемого типа, к так называемым «несносным спорщикам». Это люди, которые все знают лучше других, чрезвычайно не любят слушать и особенно не терпят возражений, вызывающих у некоторых из них неуправляемые гневные вспышки. Классическим примером таковых в жизни церковной являются некоторые «церковные бабушки», которые являются воистину диктаторами по отношению к вновь пришедшим в храм. Переоценивая свое значение, они склонны предъявлять совершенно неосуществимые притязания, а, встречая непризнание и противодействие, легко вступают на путь упорной борьбы за свои мнимые права, вплоть до борьбы с настоятелем, в которой они обыкновенно не останавливаются ни перед чем. Выведенные из себя, они

совершенно не считаются с правилами общежития, дисциплиной и требованиями закона, ведут себя вызывающе грубо с окружающими, осыпают своих противников всевозможными оскорблениями и бранными словами, искренне не замечая всей непопозволительности своего поведения. Никакие логические аргументы в общении с ними не имеют силы.

Именно представители этой категории начинают совершенно неосновательные судебные процессы, которые иной раз чрезвычайно упорно проводят до самых последних инстанций, постоянно подстегиваемые испытываемыми ими противодействиями.

Этот, как и предыдущий, тип можно (с натяжкой) отнести к аномалии более моральной, нежели психической. Хотя, справедливости ради, нужно заметить, что последний находится на грани «неслышимости» по отношению к увещаниям священника. Такие люди, как правило, затыкают обличающие уста священника бесконечными «простите, батюшка», «благодарите, батюшка»... Если пастырь имеет возможность повлиять на такого больного, то он должен раскрыть ему всю неприглядность и злокачественность грехов гордости и тщеславия, которые вампирическими наростами сидят на человеческой душе и вытягивают из нее здоровые силы, столь необходимые для подлинной духовной жизни. Здесь пастырь должен объяснить, что в этих греховных состояниях необходимо покаяться на исповеди, и ни в коем случае не дать возможности подменить подлинное осознание греховности и подлинное покаяние на формально-словесное перечисление своих проступков.

Циклотимии. Циклотимия первоначально рассматривалась как тип психопатии. Однако в дальнейшем под этим понятием стали подразумевать легкие случаи маниакально-депрессивного психоза.

Гораздо чаще, чем конституционально-депрессивные и конституционально-возбужденные психопаты, встречаются личности с многократной волнообразной сменой состояний возбуждения и депрессии. Эти колебания обыкновенно берут начало в возрасте полового созревания, который и в нормальных условиях часто вызывает более или менее значительное нарушение душевного равновесия. Именно в этом возрасте веселые, живые и жизнерадостные подростки превращаются в меланхолических, угнетенных и пессимистически настроенных юношей и девушек. Бывает и наоборот: в этот период наблюдается неожиданный расцвет личности, и до того вялый, неуклюжий и застенчивый ребенок вдруг развертывается в блестящего, энергичного, остроумного и находчивого юношу, обнаруживающего массу ранее скрытых талантов и полного самых розовых надежд и широких планов. Далее начинается периодическая смена одних состояний другими, иногда связанная как будто с определенными временами года, чаще всего – с весной или осенью. При этом состояния возбуждения обыкновенно субъективно воспринимаются как периоды полного здоровья и расцвета сил, тогда как приступы депрессии, даже если они слабо выражены, переживаются

тяжело и болезненно: сопровождающие их соматические расстройства, а также понижение работоспособности, чувство связанности и безотчетно тоскливое настроение нередко заставляют искать облегчения у врачей.

Религиозно живущий больной чаще всего воспринимает подобные смены чисто психических состояний как смену состояний «благодатных посещений» и «богооставленности». В конце концов, однако, и состояния подъема иной раз теряют свою безоблачно радостную окраску: частые нарушения душевного равновесия утомляют, вызывая чувство внутреннего напряжения и постоянного ожидания новой противоположной фазы; веселое, приподнятое настроение в более позднем возрасте сменяется раздражительно-гневливым, предприимчивость приобретает оттенок агрессивности и т.д.

Именно у циклотимиков нередко удается наблюдать одновременное сосуществование элементов противоположных настроений; так, например, во время состояния возбуждения в настроении пасомых можно открыть несомненную примесь грусти, и, наоборот, у депрессивных – налет юмора. Людям циклоидного склада особенно тяжело дается коренная ломка сложившихся жизненных стереотипов, они тяжело адаптируются к новым условиям своего существования. Депрессивно-унылое состояние души накладывает глубокий отпечаток на человека циклотимического склада. На замечания и укоры они нередко отвечают грубостью и гневом, в глубине души впадая в еще большее уныние.

Пастырю необходимо разъяснить больному: смена чисто психических состояний, «психическая синусоида жизни» естественна для каждого человека, только некоторым попущена большая или меньшая амплитуда колебаний. Однако она не должна быть отождествляема с жизнью духовной, стоящей на порядок выше жизни психической (душевной). Необходимо научить пасомого правильному отношению к своей душевной неуравновешенности, научить просить помощи Божией и укрепления от Него в моменты резких и изматывающих перепадов.

Эмотивно-лабильные (реактивно-лабильные) психопаты. Детство представителей этой группы зачастую бывает наполнено инфекционными заболеваниями, бесконечными простудами и ангинами, что накладывает отпечаток как на психическую, так и на соматическую сторону личности. В подростковом возрасте они заметны повышенной чуткостью ко всякого рода знакам внимания, благодарности, похвалам и поощрениям. Приказания, плохие отметки, выговоры, нотации ввергают их в состояние беспросветного уныния. Им чужд азарт игр, скрупулезная дотошность коллекционирования, настойчивое совершенствование физических способностей, высоты интеллектуально-эстетических наслаждений. Тем более они не претендуют на лидерство. Общение с товарищами, художественная самодеятельность, домашние животные дают некоторый отток эмоциональной энергии, наполняющий их в момент перепадов настроения. Ни одно увлечение подростков такого склада не длится

слишком долго, но скоро сменяется другим.

Главная отличительная черта лабильного типа – крайняя изменчивость настроения. У некоторых представителей этой группы колебания состояния совершаются чрезвычайно часто, иногда прямо по дням. Такие субъекты больше всего поражают капризной изменчивостью их настроения, как бы безо всякой причины переходящего из одной крайности в другую. Близкое к ним положение занимает группа психопатов, у которых эмоциональная неустойчивость как таковая имеет более самостоятельное значение и занимает более выдающееся место. Эта неустойчивость часто придает их характеру отпечаток чего-то нежного, хрупкого, отчасти детского и наивного, чему способствует также и их большая внушаемость. По существу, это большей частью люди веселые, открытые и даже простодушные, однако на окружающих часто производящие впечатление капризных недотрог, людей ранимых; малейшая неприятность омрачает их душевное расположение и приводит их в глубокое уныние, хотя обыкновенно ненадолго; стоит такому сообщить какую-нибудь интересную новость или немного польстить его самолюбию, как он уже расцветает, делается снова жизнерадостным, бодрым, энергичным.

В простонародье таких людей чаще всего называют «ранимыми». Почти никогда их настроение не меняется беспричинно, однако поводы для его изменений обыкновенно настолько незначительны, что со стороны эти изменения кажутся совершенно немотивированными: на таковых может действовать и дурная погода, и резко сказанное слово, и воспоминание о каком-нибудь печальном событии, и мысль о предстоящем неприятном свидании, словом, такая масса совершенно неучитываемых мелочей, что иной раз даже сам больной не в состоянии понять, почему ему стало тоскливо и какая неприятность заставила его удалиться из веселого общества, в котором он только что беззаботно смеялся. Надо добавить, что большей частью у них есть свои хорошие и дурные дни, причем в хорошие они иной раз очень спокойно переносят даже крупные огорчения и неприятности, тогда как в плохие – почти не выходят из тоскливого угнетения или гневной раздражительности; в некоторых случаях эта раздражительность является даже основной чертой их характера. Несмотря на известный оттенок легкомыслия и поверхностности, эти люди способны к глубоким чувствам и привязанностям: они чрезвычайно тяжело – иногда в течение длительного времени – переживают всякие сильные душевные потрясения, особенно утрату близких; но и по отношению к другим психическим травмам (катастрофам, переживаниям войны, тюремному заключению) порог их выносливости очень невысок – именно они чаще всего дают так называемые патологические реакции и реактивные психозы.

Срок, на который меняется настроение у этой группы личностей, может быть очень различен; наряду со случаями, где настроение меняется

несколько раз в течение дня от беззаботного веселья до приступов полного отчаяния, у них же наблюдается и длительное состояние радости, и тоски, развивающееся всегда, конечно, по тому или другому поводу, при этом длительность аффекта до известной степени оказывается адекватной тому фактору, который вызвал изменение настроения. К этой группе относятся люди при обычных условиях ровные и спокойные, может быть, только несколько чересчур мягкие, боязливые и тревожные. Они обыкновенно прекрасно уживаются в размеренных рамках хорошо налаженной жизни, но зато чрезвычайно быстро теряются в условиях, требующих находчивости и решительности, очень легко давая патологические реакции на неприятные переживания, хоть сколько-нибудь выводящие их из душевного равновесия.

Самооценка их отличается объективностью. Они, как правило, признают, что они «люди настроения», не пытаясь при этом скрыть что-либо, предлагают принимать их такими, какие они есть.

В христианстве им импонирует настроение искренности, преданности, любви и теплоты человеческих отношений, к которым призван верующий человек. Однако, встречаясь с «церковным двойником», они склонны беспричинно разочаровываться, бестактное слово священника повергает их в состояние разочарования чуть ли не в основах Православной веры, что чаще всего происходит на эмоциональном или подсознательном уровне. Именно поэтому пастырю труднее всего объяснить этим людям что-либо на логическом уровне – они живут исключительно эмоциональным миром.

Пастырю необходимо в общении с этой категорией людей объяснить во всей полноте о той духовной ответственности за свою душу, которая лежит на каждом человеке. Нужно рассказать им, как под видом тех или иных реактивных состояний психики, тревог, депрессий, страхов, или наоборот, гордыни, тщеславия, болтливости, к сознанию человека приступают демонические силы и лепят из человека,веряющего этим «состояниям», все, что им заблагорассудится. Пастырь должен предупредить о небезопасности вверения себя состоянию т.н. «эмоциональных подъемов», за которыми непременно следует болезненное падение. Необходимо предостеречь относительно «кровяного разгорячения» и резкого, немотивированного прилива «творческих сил» – в этом состоянии необходимо остановиться – это внушение постороннее, исходящее не от Бога, но, возможно, от естества или от сил демонических.

ГРУППА АСТЕНИКОВ

Неврастения характеризуется как раздражительная слабость нервной системы, болезненное состояние, вызываемое длительным нервно-психическим перенапряжением.

Представителей сенситивного типа этой группы отличает чрезмерная чувствительность и впечатлительность в сочетании с высокими моральными требованиями к себе и «этической скрупулезностью». Под

ударами судьбы они становятся крайне осторожными, подозрительными и замкнутыми. В детском возрасте им присущи беспокойный сон, капризность, пугливость, ночные страхи, ночной энурез, заикание. Они боятся темноты, сторонятся животных, страшатся остаться одни, не любят чрезмерно подвижных игр, чувствуют робость и застенчивость среди посторонних. Однако с теми, к кому они привыкли, чувствуют себя спокойно и уверенно. Дети такого склада предпочитают тихие игры, рисование, лепку, обнаруживают чрезмерную привязанность к родителям, отличаются послушанием, слынут «домашними». Детская привязанность к родителям не дает им возможности и в зрелом возрасте «оторваться», отпочковаться от родительского древа, что особенно неблагоприятно сказывается на мальчиках, воспитываемых одинокими мамами, которых вполне устраивает «образцовая» послушность ребенка, но которые, к сожалению, не учитывают, что мальчику необходимо стать мужчиной.

В зрелом возрасте представители этого типа претерпевают немало неприятных ощущений от резко выраженного в них чувства собственной недостаточности. Чувство собственной недостаточности они пытаются восполнить не в стороне от слабых мест своей натуры, не там, где их способности могут раскрыться, а как раз наоборот, там, где их неполноценность особенно заметна. Скромные и застенчивые, они надевают личину развязности, и тем самым выглядят довольно нелепо в глазах окружающих, неумело вживаясь в несвойственный им образ. Они не переносят насмешек и подозрений в неблагоприятных поступках. Двусмысленные подшучивания над ними воспринимаются необычайно серьезно. Частые разочарования могут вызвать в таком человеке суицидальные мысли и даже суицидальные действия, которые может спровоцировать самый ничтожный повод.

Человек сенситивного склада вполне может найти свое место в Церкви, в конкретном приходе. Совершенно незначительные знаки пастырского внимания: несколько теплых слов, иконочка ко дню Ангела, интерес, проявляемый к здоровью и настроению, и, конечно, внимательная исповедь смогут питать и поддерживать его. Люди этого типа чрезвычайно чувствительны к тому, как к ним относятся, но частично или полностью лишены чувства интуиции. Пастырь должен помочь раскрыться этому важному для христианина качеству, но нельзя требовать покаяния в отсутствие чуткости и внимания к другим ввиду того, что в природе души подобных людей это качество отсутствует.

В наиболее чистом и простом виде симптоматика конституциональной астении представлена у так называемых неврастеников, больных, отличительными чертами которых именно и являются чрезмерная нервно-психическая возбудимость, раздражительность, с одной стороны, и истощаемость, утомляемость – с другой.

Помимо того, в симптоматологии этих случаев большую роль играют явления как бы соматического порядка: ощущения в различных частях

тела, функциональные нарушения деятельности сердца, желудочно-кишечного аппарата и пр.; больные жалуются на головные боли, сердцебиение, бессонницу ночью и сонливость днем, плохой аппетит, общую слабость. Некоторые из них отличаются вялостью, отсутствием инициативы, нерешительностью, мнительностью, апатичным или чаще равномерно-угнетенным настроением. Подобного рода субъекты неспособны к длительному усилию и усидчивой работе, которая быстро начинает им надоедать, появляется чувство усталости, слабости, даже сонливости. Часто страх перед чрезмерностью требуемого от них трудового напряжения уже заранее парализует их волю и делает их неспособными даже приняться за дело. При попытке преодолеть неохоту и отвращение развиваются неприятные ощущения: чувство тяжести в голове, тянущие боли в спине, частые позывы на мочеиспускание и пр., а иногда и какое-то особое состояние возбуждения, не позволяющее долго сидеть на одном месте.

От описанного типа вялого неврастеника-ипохондрика несколько отличаются субъекты, у которых, наряду с той же, а, может быть, еще и большей истощаемостью, резко выявляется склонность к увлечению той или иной работой, теми или другими интересами; это свойство проистекает из второй основной, характеризующей их организацию черты – возбудимости, раздражимости. Эти люди легко усваивают все новое, но, как и только что описанные, совершенно не выдерживают длительного напряжения. В их работе нередко поражает бросающееся в глаза противоречие между удачным началом и очень незначительным объемом окончательного результата – следствие наступающего уже через очень короткое время быстрого падения продуктивности. До полной неработоспособности дело, впрочем, почти никогда не доходит: больные работают неправильно, нерегулярно, скачками и вспышками, однако все-таки сохраняют способность давать достаточно полноценные результаты и оставаться полезными членами общества. Такого рода людей часто обвиняют в «лени», называют «лентяями», но это слишком простое, ничего не говорящее объяснение.

Пастырь, окормляющий такого больного, должен доверительно объяснить окружающим его лицам (если пасомый трудится в приходе или монастыре), что от него нельзя ожидать таких результатов, как от остальных, здоровых членов общины, что его необходимо окружить заботой и вниманием, снисходя к недостаткам и погрешностям. Пастырь не должен сам назначать работу таким людям, как не должен и проверять ее исполнение, он должен поручить это своему заместителю, оставляя возможность пожаловаться на кажущуюся суровость последнего, не потакая этим жалобам и претензиям, но и не взыскивая строго за неисполнение. Однако очень часто такие люди, свыкнувшись со снисходительным к ним отношением, начинают спекулировать этим, отказываются даже от посильного труда, начинают обвинять требующих

исполнения тех или иных работ в жестокости, несправедливости, немилосердии, предвзятости. Если ситуация начинает приобретать конфликтный характер, пасомый не желает смириться с требованиями, в жизнь прихода или монастыря вносится напряженность, тягостность, ради сохранения остальных овец не подлежащую исправлению следует удалить, однако найти возможность объяснить при последней беседе подлежащему удалению его неправоту – если это произойдет, то, удалившись, больной начнет искать пути исправления ситуации, в нем незримо будет происходить работа по самоисправлению, есть надежда на его возвращение и исцеление. В противном случае задача пастыря окажется невыполненной.

Более сложную группу психопатов астенического склада образуют лица, главными чертами которых являются чрезмерная впечатлительность, с одной стороны, и резко выраженное чувство собственной недостаточности – с другой, в большей или меньшей степени присущее, впрочем, всем вообще астеникам. Их нервная слабость проявляется в крайней ранимости к переживаниям, хотя сколько-нибудь выходящим из ряда обычных житейских происшествий. Они падают в обморок при виде крови, не в состоянии присутствовать при самой ничтожной операции, не выносят сколько-нибудь горячих споров и до крайности травмируются видом необычайных уличных происшествий: несчастных случаев, драк, скандалов и пр. Робкие, малодушные, застенчивые, это обыкновенно нежные, тонко чувствующие натуры, страдающие от всякого грубого прикосновения. Многие из них вздрагивают при малейшем шорохе и всякой неожиданности, страдают боязнью темноты. Если таковой больной имеет некоторые мистически одаренные стороны души, то в гипертрофированном виде перед ним вырастают страхи перед демоническими силами, колдунами, действующие через призму их восприятия довольно заразительно на окружающих.

Толпа и окружающее общество их утомляет и заставляет искать одиночества. Однако их одиночество – это не уход от жизни, а лишь проявление чрезмерной чувствительности. Это, как правило, люди самолюбивые, и поскольку они сознают свою «исключительность», то крайне болезненно переносят тянущуюся по жизни неуверенность в себе. Если у таковых имеются определенные физические дефекты, неуклюжесть, некрасивое лицо, или если они неожиданно попадают в среду, социально выше их стоящую, то их застенчивость легко переходят всякие границы, и у одних развивается крайняя робость и подозрительность (больному кажется, что окружающие следят за ним, говорят о нем, критикуют его и смеются над ним), усиливается неловкость, появляется заикание, при ничтожнейшем поводе выступает краска смущения на лице. Другие же, стремясь преодолеть крайне мучительное для них чувство своей слабости и недостаточности, надевают на себя не

всегда удающуюся им личину внешней развязности и даже заносчивости, под которой, однако, нетрудно разглядеть того же самого внутренне смущенного и робкого неврастеника. Задача пастыря – научить спокойному, ровному отношению к действительности и смирению со своим положением. Психологический выход из сложившейся ситуации для таковых: обрести в уповании на Господа точку опоры, научить их не в себе, не в своих «скрытых возможностях личности», а в помощи Божией искать душевного умиротворения и равновесия.

Бичом для подобного рода больных являются всякие ответственные выступления перед другими людьми: смущение и страх на экзамене даже хорошо подготовленного юношу иногда приводят в такое замешательство, что развивается полная неспособность вспомнить и связно рассказать то, что требуется (экзаменационный ступор); у ораторов и преподавателей такого типа каждое выступление на кафедре, трибуне или сцене вызывает тяжелое нервное потрясение, от которого иной раз приходится оправляться в течение нескольких дней. Очень болезненно действуют на таких людей нередкие служебные неудачи, при их болезненном самолюбии ведущие к резким и несоразмерным вспышкам угнетения и отчаяния. «На все воля Божия, сдать экзамен или провалиться, успешно выступить или потерпеть фиаско, и т.д. Сделай со своей стороны все возможное и положишься на Господа, и Он управит все как нужно, ведь ничего не совершается в мире без Его Промышления», – такое настроение должен вложить пастырь в душу подобного пасомого. Именно жизненный настрой, а не только чисто логическую формулу, но для этого необходимо не пять минут разговора на бегу, а глубокое неоднократное общение. Желательно ознакомить такого человека с жизнеописанием мучеников, особенно последних времен, с их письмами, высказываниями, в которых явно видно, как они предавали Господу «весь живот свой».

Чрезмерная нервная возбудимость расстраивает обыкновенно у представителей описываемой группы и соматические функции; сон у них чаще тревожный, полный кошмарных сновидений, прерываемый острыми приступами страха; нередки кратковременные функциональные расстройства различных органов под влиянием аффективных переживаний (чаще всего страха или замешательства). На почве несоответствия между теми требованиями, которые эти люди предъявляют к себе и к жизни, и тем положением в жизни, которое им на самом деле достается, у них иной раз развиваются длительные депрессивные состояния.

Общим свойством всех астеников является раздражительность. Редко кто из них не жалуется на приступы гневных вспышек, особенно частых при утомлении, вспышек, иногда ведущих к довольно бурным взрывам, хотя обыкновенно и быстро истощающихся. В некоторых случаях эта особенность настолько выдвигается на первый план, что оказывается самой яркой, характерной и в то же время тяжелой чертой в картине пси-

хопатических проявлений астеников. Примером могут служить люди, с одной стороны, самолюбивые, с другой – не обладающие силой воли, выдержкой и работоспособностью, чтобы добиться более или менее видного положения и завоевать себе право на уважение окружающих. Благодаря этому им приходится обыкновенно оказываться в подчиненном положении, терпеть невнимание, обиды, даже унижения от лиц, выше их стоящих, в результате чего у них образуется громадный запас неизжитых мелких психических травм, создающих общий напряженный и окрашенный недовольством тон настроения. Сохраняя внешнюю сдержанность там, где вспышка раздражения могла бы повредить ему самому, такой субъект тем охотнее разряжает накопившееся у него внутреннее недовольство на лицах, от него зависящих, например, на своих домашних: робкий и малозаметный в обществе, он иной раз дома оказывается настоящим тираном, хотя и неспособным к проявлению действительной силы даже в гневе и переходящим от приступов неудержимой ярости к плачу и самообвинениям.

Последнюю и наиболее сложную группу описываемой психопатии образуют так называемые психастеники. Основными их чертами являются крайняя нерешительность, боязливость и постоянная склонность к сомнениям. Они чрезвычайно впечатлительны и притом не только к тому, что вокруг них в данную минуту происходит, но и еще более к тому, что, по их мнению, может случиться, ко всем тем неприятностям, которые, как они полагают, ожидают их в ближайшем будущем. Главным радикалом психастенических расстройств является навязчивое состояние, возникающее на почве тревожно-мнительного характера. Основу психастении И.П.Павлов видел в болезненном сомнении, болезненном опасении.

В детстве люди этого склада заметны по робости, моторной неловкости, сочетающимся со склонностью к рассуждательству и ранними интеллектуальными интересами. Предъявляемое в школе чувство ответственности наносит по психастеникам чувствительный удар. Возлагаемая на них родителями повышенная ответственность за взрослые участки работ по дому и семейные обязанности способствует становлению психастении.

Эмоциональная окраска у психастеников сопровождает мир представлений о будущем еще в большей степени, чем мир непосредственных переживаний и воспоминаний. Только еще возможная опасность или неприятность не менее, а может быть, и более страшна психастенику, чем непосредственно существующая. Всякая мелочь, всякий пустяк, который психастеник замечает в окружающей жизни, заставляют его думать; целый ряд обыкновенно неприятных ассоциаций возникает в его уме по таким ничтожным поводам, на которые другой человек не обратит никакого внимания. Психастеник очень боязлив и робок, он боится всего, он отступает не только перед действительной

опасностью, но и существующей только в его воображении; он боится не только того, чего следует опасаться, но даже того, чего он просто не знает. Всякое новое, незнакомое дело, всякая инициатива становится для него источником мучений. Если нет крайности или давления извне, психастеник никогда не решится начать что-нибудь такое, чего он боится или просто не знает. Вообще, принять то или другое решение психастенику крайне трудно, даже в том случае, когда дело касается самого ничтожного обстоятельства. Даже решившись на что-нибудь, начав действовать, психастеник все время сомневается, так ли он поступает, то ли он сделал, что хотел, и эти вечные сомнения, этот всегдашний контроль самого себя делают эту работу медленной и мучительной.

Сомнения в правильности сделанного им заставляют психастеника вновь переделывать то, что он только что сделал; недоверие к самому себе, к своим силам заставляет его обращаться к другим или за помощью, или хотя бы за тем, чтобы его успокоили, чтобы ему сказали, что беспокоиться, волноваться нет решительно никаких оснований. Эта склонность искать поддержку у других, это неумение обходиться без посторонней помощи являются также одной из отличительных черт психастенического характера. Такие люди нередки в церковной ограде. Как правило, жизнь церковную они хотели бы видеть исключительно в исполнении правильным образом разнообразных предписаний: куда поставить, как записать, что прочитать, что сказать... Магизм в восприятии православия как формы чисто ритуального угождения Богу правильным исполнением обрядов и предписаний (своего рода иудаизм в православной упаковке) – характерная черта верующих этой группы. Православие воспринимается ими чаще всего как форма защиты от различного рода жизненных травм, неожиданностей, действительных или мнимых опасностей.

Прежде всего, конечно, психастеник боится за себя самого, будущее видится ему в довольно мрачных красках, он опасается за свое физическое и психическое здоровье. Не менее сильно боится он за участь своих близких и родных; постоянные тревоги, опасения, беспокойство – вот что наполняет его жизнь; ждать чего-нибудь – а это что-нибудь рисуется ему обыкновенно в черном свете – он положительно не может; всякое ожидание становится ему невыносимо мучительно. Вот почему, несмотря на всю свою обычную нерешительность, психастеник оказывается иногда настойчивым и даже нетерпеливым, он долго не решается, но если уже на что-нибудь решился, то больше не может быть спокоен до тех пор, пока это не будет сделано. Беспокоясь сам, он не дает покоя и тем из окружающих, от кого зависит приведение в исполнение задуманного им решения. Психастеник ни на минуту не забывает, что на пути к выполнению его цели может встретиться какая-нибудь помеха; он с трудом переносит назначение срока – в таких случаях он начинает

бояться, что не успеет к назначенному времени; он не будет, например, спокойно спать, если знает, что наутро должен рано встать, хотя, если бы такой необходимости не было, он, вероятно, встал бы так же рано, а спал бы спокойно и крепко. В домашней обстановке самое незначительное нарушение его привычек выводит его из равновесия и раздражает.

Будучи вообще человеком очень деликатным и чутким, психастеник тем не менее может причинить много неприятностей окружающим; он обыкновенно большой педант, формалист и требует от других того же самого; всякий пустяк, всякое отступление от формы, от принятого порядка тревожит его, и он не только беспокоится, но и сердится, особенно если дело идет о подчиненных ему лицах. Если такой человек находит себе место на церковном клиросе, то скрупулезнейшее соблюдение церковного устава, даже если при этом грубо попираются принципы любви, становится той платформой, на которой, как на дрожжах, реализуется его самость. Остановить такого буквоеда не под силу бывает даже настоятелю, который тут же обвиняется в отступничестве от Православия и модернизме, несмотря на то, что противоречие и расхождение касается непервостепенных вещей. Сложнейшей задачей в работе с такими пасомыми является необходимость раскрыть и показать благодатную свободу, которую предоставляет жизнь церковная, постепенно закладывая основы уверенности в том, что все, что он сделает с чистым намерением послужить Богу, угодить Ему, даже если произойдет определенное нарушение каких-либо внешних религиозно-обрядовых форм и правил – угодно Господу.

Как и все психопаты астенического склада, психастеник зачастую человек конфузливый и застенчивый; сознание, что он является предметом внимания, для него чрезвычайно мучительно. Большею частью он не любит физического труда, очень неловок и с большим трудом привыкает к ручной работе, притом, что в жизни религиозной иногда склонен строить воздушные замки, рассуждать о духовных подвигах, богословствовать о сердечной молитве вне всякого действительного молитвенного труда. Вообще психастеник является человеком, неприспособленным к жизни, непригодным для борьбы за существование, ему нужна упрощенная жизнь, тепличная обстановка. Таковые часто бывают неспособны выпорхнуть из родительского гнездышка по достижении совершеннолетия, находясь на попечении родителей до их смерти.

Одной из характерных черт психастеника является склонность к самоанализу – собственная психика является для него как бы театром, где разыгрывается сцена какой-то комедии, на представлении которой он сам присутствует в качестве далеко не безучастного зрителя. Несмотря на склонность к самоанализированию, самооценка психастеников не всегда бывает объективной. Они с большим трудом воспринимают делаемые им замечания, зачастую приписывая себе несуществующие грехи и

отказываясь признавать конкретные, реальные вещи, на которые указывает духовник. Непосредственное религиозное чувство малодоступно психастенику. Он часто предается всевозможным размышлениям чисто отвлеченного характера, часто ставит себе те или иные вопросы общего свойства, не имеющие к нему прямого отношения, и непременно старается найти на них ответы. Мысленно в своих мечтах психастеник способен пережить многое, но от участия в реальной действительности он всячески старается уклониться. «Любить, мечтать, чувствовать, учиться и понимать – я могу все, лишь бы меня только освободили от необходимости действовать», – вот его девиз. Своеобразной особенностью психастеников является, по-видимому, представляющая результат их неуверенности в себе потребность все снова и снова вызывать в сознании отдельные, более всего тревожащие их мысли и образы с целью проверки, не сделано ли каких-нибудь упущений и не грозит ли какая-нибудь беда и неприятность. Это часто ведет к закреплению таких представлений в сознании уже против воли психастеника и к образованию так называемых навязчивых представлений и страхов.

В жизнь подлинно духовную ввести таких людей чрезвычайно трудно. Зациклившись на правильном соблюдении формы, они могут спрашивать духовника: так что же не так? все вроде бы правильно, все сделано так, как написано в книгах. И хорошо еще, если это книги о внешних правилах духовной жизни. Таких добросовестных исполнителей внешних религиозных правил несколько легче повести далее к внутреннему деланию, чем начитавшихся книг аскетических и начавших практиковать изложенное в них, восприняв все сказанное буквально «на основе своего (болезненно-неправильного!) опыта». В жизни практической пастырь должен предоставить возможность пасомому большей инициативы, однако умело подчинять эту инициативу своему руководству, научить его внимательно прислушиваться к замечаниям по тем или иным вопросам, объяснить, что послушание, без которого невозможна жизнь духовная, – это прежде всего умение слушать.

ГРУППА ШИЗОИДОВ

На характерные особенности этой группы пастырю необходимо обратить большее внимание в силу того, что именно у них под вполне благополучными внешними формами религиозности (в т.ч. с претензией на «подвижничество») жизнь духовная может принимать самые уродливые и непредсказуемые формы.

Наиболее существенной чертой шизоидов считается: аутистическая (т.е. с уходом в себя) оторванность от внешнего, реального мира, отсутствие внутреннего единства и последовательности во всей сумме психики и причудливая парадоксальность эмоциональной жизни и поведения: сочетание холодности и утонченной чувствительности, упрямства и податливости, настороженности и легковерия, апатичной

бездеятельности и напористой целеустремленности, необщительности и неожиданной назойливости, застенчивости и бестактности, чрезмерной привязанности и немотивированных антипатий по отношению к одному и тому же лицу, рациональных рассуждений и нелогичных поступков, богатства внутреннего мира и бесцветности его внешних проявлений. Они обыкновенно импонируют как люди странные и непонятные, от которых не знаешь, чего ждать.

О содержании шизоидной психики говорить вообще очень трудно, во всяком случае, поведение шизоидов не дает о нем никакого представления. Немецкий психиатр Э.Кречмер дает блестящее определение шизоидам: «многие из них подобны лишенным украшений римским домам, виллам, ставни которых закрыты от яркого солнца; однако в сумерках их внутренних покоев справляются роскошные пиры...».

С детских лет поражает ребенок, который любит играть один, не тянется к сверстникам, избегает шумных забав, предпочитает держаться среди взрослых, иногда подолгу слушая их беседы. К этому добавляется холодность и недетская сдержанность. В подростковом возрасте замкнутость, отгороженность от сверстников особенно бросаются в глаза, чему, как правило, сопутствует снисходительное пренебрежение или явная неприязнь к тому, что наполняет жизнь других подростков. Но чаще всего шизоиды страдают от своей замкнутости, одиночества, неспособности к общению, быстрой истощаемости в контактах («не знаю, о чем еще говорить»), и это побуждает их к еще большему уходу в себя. В подростковом возрасте они или остаются белыми воронами в компании, или подвергаются преследованиям и насмешкам со стороны сверстников, иногда же, благодаря своей независимости и сдержанности, внушают уважение и заставляют соблюдать дистанцию. В своих фантазиях они создают компании, в которых они бы занимали положение вождя и любимца, чувствовали бы себя свободно и легко, и получают при этом фантазировании те эмоциональные переживания, которых не достает им в реальной жизни.

Особенно трудно шизоиду проникнуть в душевный мир других людей, гораздо труднее, чем наоборот, быть понятым ими (дефект интуиции). У них часто можно обнаружить тонкое эстетическое чувство, они вдохновляемы красивыми идеями, при более глубоком ознакомлении с православным богослужением, учением, в особенности возможностью принять монашество, они зажигаются, более рассудочных людей становятся способными на самопожертвование. Они могут проявлять много чувствительности по отношению к людям, обладают способностью производить впечатление впитывания в себя чужой боли, особенно по отношению к людям воображаемым или тем, общение с которыми непостоянно и ни к чему не обязывает, но понять и разделить, а главное, нести реальные горе и радости людей, их окружающих, им труднее всего.

Именно в силу этого в добрых отношениях они производят положительное впечатление, а в супружеских – принципиально иное, холодное и равнодушное. После первых месяцев супружеской жизни вдруг обнаруживается трагическое несоответствие между человеком «до» и человеком «после», что приводит здоровую половину семьи в разочарование и замешательство.

Эмоциональная жизнь таковых пасомых вообще имеет сложное строение: аффективные разряды протекают у них не по наиболее обычным и естественным путям, а должны преодолевать целый ряд внутренних противодействий, причем самые простые душевные движения, вступая в чрезвычайно запутанные и причудливые ассоциативные сочетания со следами прежних переживаний, могут подвергнуться совершенно непонятным, на первый взгляд, извращениям. Благодаря этому больной, будучи отчужден от действительности, на самом деле находится в постоянном внутреннем конфликте с самим собой. Может быть, это и служит причиной того, что непрерывно накапливающееся, но большей частью сдерживаемое внутреннее напряжение от времени до времени находит исход в совершенно неожиданных аффективных разрядах. Таким образом, раздражительность некоторых из них оказывается в противоречии с их эмоциональной жизнью, противоречии, всегда держащем их в состоянии неприятного напряжения.

Внутренний мир шизоидов почти всегда закрыт от посторонних взоров. Лишь немногим избранным занавес может приоткрыться, но никогда до конца, и столь же неожиданно упасть. Однако это может произойти перед малознакомым человеком, но в какой-то момент импонирующим их выбору. При этом он может навсегда остаться скрытым и непонятым для самых близких людей или для тех, кто знает его много лет.

Они фантазируют для самих себя. Удивительна подмеченная в безрелигиозной психиатрии особенность: характер фантазий шизоидов носит или эротический характер, или служит утешению собственной гордости – они греховны по сути своей. Если же рассматривать всякую душевную болезнь с точки зрения православной аскетики – как состояние незащищенности по отношению к демоническим влияниям и помыслам – значение властно увлекающих шизоидных фантазий вырисовывается как сильнейшее демоническое овладение сознанием.

Шизоид может долго терпеть мелочную опеку в быту, подчиняться установленному распорядку жизни и режиму, но всякая попытка вторгнуться в мир его интересов, увлечений и фантазий чревата бурным протестом. Его недовольство и возмущение может долго вынашиваться и неожиданно для окружающих вылиться в самых неожиданных формах и даже решительных действиях, без учета их последствий для себя.

Уровень увлечений шизоидов поражает крайней прихотливостью

выбора. Изучение, чтение, коллекционирование – все это делается ненапоказ, только для себя. В церковной жизни они могут вполне «заиклиться» только на одном из частных проявлений жизни церковной, игнорируя вовсе всю полноту ее. Пастырь может подолгу и увлекательно разговаривать с шизоидом на разные темы церковной жизни, и даже если только одна из них ему неприятна, например, разговор о необходимости что-то менять в себе или слова о необходимости быть полностью искренним и открытым, это может вызвать полное расторжение отношений. Шизоиды не замечают, не фиксируют или не придают значения противоречивости своего поведения – а именно в осознании этого, как нам видится, ключ к покаянию (греч. «изменению») человека, именно к осознанию своей противоречивости как греховного состояния должен подвести пастырь подобное духовное чадо.

Особо отмечается сочетание внешней «асексуальности» шизоидов (неумение ухаживать, неспособность добиться сексуальной близости в обычной ситуации) с проявлениями сексуальности в отдельных ситуациях в самых грубых и противоестественных формах.

Шизоиды не склонны к алкоголю, легко противостоят попыткам склонению к выпивке. Опынение не вызывает у них эйфории. Однако иногда они могут выпить для «облегчения установления контактов».

Принято говорить о душевной холодности шизоидов. Как видно из изложенного, это положение нельзя принимать без оговорок. Их поступки могут быть жестокими, что скорее связано с неспособностью вчувствоваться в страдания других, слабостью эмоционального резонанса, чем с желанием получить садистское наслаждение. У мимозоподобных представителей этой группы чувствительность соединяется с известной отчужденностью от людей, в эмоциональной тупости почти всегда заметен какой-то налет раздражительности и ранимости.

Хотя, вообще говоря, они не внушаемы, даже более – упрямы и самоуверенны, однако в отдельных случаях они, подобно шизофреникам, обнаруживают поразительно легкую подчиняемость и легковерие; непонятное соединение упрямства и податливости иногда характеризует их поведение. Пастырю должно обратить внимание на то, что таковые «под настроение» вполне могут ввести его в заблуждение как идеальные «духовные чада» и даже кандидаты в священство и монашество. О последних и говорить излишне – само собой понятно, какой ответственности перед Богом подвергает себя духовник, предложивший архипастырю ставленника, имеющего эту характерологическую особенность, или же благословивший его на монашеский путь, к которому люди в этом состоянии неспособны, но на что они провоцируют, подталкивают своего духовника, в определенные периоды общения с которым совершенно естественным образом выстраивая свое поведение в необходимом для подобного решения свете.

Воля их большей частью развита и направлена крайне неравномерно,

односторонне. Шизоид может целые годы проводить в безразличной пассивной бездеятельности, оставляя в пренебрежении насущнейшие задачи, а с другой стороны, второстепеннейшие цели, как, например, собирание бесчисленных благословений, реликвий и «святыnek», разглядывание по нескольку раз на день старых журналов и альбомов с репродукциями и фотографиями могут поглощать всю его энергию, не оставляя у него времени ни на молитву, ни на богослужение, ни на чтение серьезных книг. В поведении шизоидов вообще обращают на себя внимание непоследовательность и недостаточность связи между отдельными импульсами. Значительную их группу характеризует склонность к чудачествам, неожиданным поступкам и эксцентричным, иной раз кажущимся совершенно нелепыми выходкам. Редко, однако, шизоид чудачит, чтобы обратить на себя внимание, гораздо чаще его странное поведение диктуется ему непосредственными импульсами его непохожей на других природы. Так как у шизоидов обыкновенно отсутствует непосредственное чутье действительности, то и в поступках их нередко можно обнаружить недостаток такта и полное неумение считаться с чужими интересами. В работе они редко следуют чужим указаниям, упрямо делая все так, как им нравится, руководствуясь иной раз чрезвычайно темными и малопонятными соображениями. Некоторые из них вообще оказываются неспособными к регулярной профессиональной деятельности, особенно к службе под чужим началом. Они часто по ничтожным поводам внезапно отказываются от работы, переходят от одной профессии к другой и т.д. Все это чрезвычайно мешает их жизненному успеху и, озлобляя их, еще более усиливает обычно свойственные им замкнутость и подозрительность. В жизни монастырской они, как правило, не уживаются, меткий монашеский афоризм называет таковых «Шаталовой пустыней» по их склонности перехода из обители в обитель по причине «отсутствия опытных духовников», «бездуховности братии, их привязанности к земному», нежеланию понимать, что на самом деле все – в них самих. Здесь, разумеется, идет речь не о подлинном духовном поиске наставника и обители, а, большей частью, о случаях патологических. В духовнике они часто сомневаются, начинают навязывать ему свой образ мыслей, несогласие с которым ставится на уровень несогласия чуть ли не с основами православной веры. Они во всем, в том числе и в своей церковной жизни, время от времени любят подчеркивать свою независимость и самостоятельность.

Несколько слов об аутизме шизоидов. Его следствием являются дезорганизованность в личной жизни и несовершенство коммуникации: постоянно напоминающее о себе противоречие между внутренним и внешним миром. Оно вытекает не только из отсутствия у них «аффективного резонанса» с чужими переживаниями, но и из внутренней противоречивости и парадоксальности, которая делает их совершенно

неспособными передать другим то, что они сами чувствуют. Время от времени у них, конечно, возникает потребность облегчить себя признанием, поделиться с близким человеком радостью или горем, однако испытываемая ими при этом неспособность сделать это «до конца» и встречное непонимание обыкновенно вызывают еще большую потребность уйти в себя. Их мимозоподобная замкнутость происходит не от чрезмерной ранимости, а от неспособности найти адекватный способ общения (синдром: «Никто меня не в состоянии понять, даже батюшка...»).

«Аристократическая» сдержанность, а то и просто чопорность и сухость некоторых шизоидов не всегда является их исконным свойством, в некоторых случаях это выработанное опытом жизни средство держать других людей на расстоянии во избежание разочарований, которые неизбежны при близком соприкосновении с ними. Отличаясь вообще недоверчивостью и подозрительностью, шизоиды далеко не ко всем людям относятся одинаково: будучи вообще людьми крайностей, не знающими середины, склонными к преувеличениям, они и в своих симпатиях и антипатиях большей частью проявляют капризную избирательность и чрезмерную пристрастность. По-настоящему шизоиды любят все-таки только себя: будучи эгоистами, они почти всегда держатся чрезвычайно высокого мнения о себе, о своих способностях и редко умеют ценить по-настоящему других людей, даже тех, к кому относятся хорошо.

Скрытая шизоидная акцентуация может обнаруживаться, если к личности внезапно предъявляются непосильные для нее требования – например, быстро установить широкий круг неформальных и достаточно эмоциональных контактов. Шизоиды срываются также, когда к ним настойчиво и бесцеремонно «лезут в душу».

Если сказанное о шизоидах выше можно было отнести более к отклонениям характера, то эмоционально-тупых шизоидов, играющих в обществе отрицательную социальную роль, уместнее отнести к патологии личности. Выше уже было отмечено, что большая или меньшая эмоциональная холодность – общее свойство всех шизоидов; однако, можно выделить одну их группу, у которой это свойство выступает на первый план и затемняет все остальные их особенности. Чаще всего это ленивые, вялые, безразличные люди с отсутствием всякого интереса к человеческому обществу, которое вызывает у них скуку или отвращение. Но есть среди них и люди, отличающиеся большой активностью. Эти холодные энергичные натуры иной раз способны к чрезвычайной жестокости не из стремления к причинению мучений, а из безразличия к чужому страданию. Но здесь мы уже на границе, отделяющей шизоидов, с одной стороны, от антисоциальных психопатов, а с другой – от фанатиков. Эта психоаналитическая характеристика как нельзя уместна в нашем случае, когда речь пойдет о людях неправильной (а значит

неправославной) религиозности, но об этом речь ниже.

Заканчивая описание шизоидных психопатов, мы считаем необходимым отметить, что многие из них представляют, кроме специфических для них особенностей, еще и разнообразные астенические черты («нервность» – одна из характерных черт шизоидов). Особенно много родственного при внимательном анализе можно обнаружить между погруженными в свой внутренний мир тонко чувствующими шизоидами и некоторыми психастениками.

Мечтатели. Это обыкновенно тонко чувствующие, легко ранимые субъекты, чаще со слабой волей, в силу нежности своей психической организации плохо переносящие грубое прикосновение действительной жизни; столкновения с последней заставляют их съеживаться и уходить в себя, они погружаются в свои мечты и в этих мечтах словно компенсируют свои психические затраты за испытываемые ими неприятности в реальной жизни. Именно в этом смысле святоотеческое учение предостерегает от мечтательности, являющейся той дырой в душевной конституции человека, через которую наиболее удобен вход силам демоническим. Хрупкость нервной организации роднит мечтателей с астениками, а отрешенность от действительности и аутистическое погружение в мечты не дают возможности провести сколько-нибудь резкую границу между ними и шизоидами. Сплошь и рядом эти люди с повышенной самооценкой, недовольные тем положением, которое они заняли в жизни, но неспособные бороться за лучшее: вялые, «ленивые», бездеятельные, они как-то свысока смотрят на окружающую их действительность и с отвращением выполняют обязанности, возлагаемые на них необходимостью заботиться о материальном существовании. Свободное время заполняют они фантазированием. Главное содержание фантазии – это исполнение их желаний.

(Продолжение в следующем номере)

ЛИТЕРАТУРА

Архиепископ Иоанн Шаховской. Философия православного пастырства. М., 1995.

Архимандрит Киприан Керн. Православное Пастырское Служение. Изд. Сатис. 1996.

Ганнушкин П.Б. Избранные труды. М. 1964 (цит. по «Курсу практической психологии...». Авт. Р.Р.Кашанов. Ижевск, 1996).

Мелехов А.Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни. М., 1997.

Настольная книга священнослужителя. Т.8. М., 1988.

Прот. Владимир Воробьев. Покаяние, исповедь, духовное руководство. 1997.

Ушаков Г.К. Пограничные нервно-психические расстройства, М., 1978.